

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открывая эту книгу, читатель должен помнить, что публикуемые документы появились в результате политического процесса, сфабрикованного в 1929–1931 гг. по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) Полномочным Представительством Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО). Жертвами его стала большая группа известных ученых, в том числе четыре академика — С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский — и пять членов-корреспондентов АН СССР. Арестованным было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии.

Аресты начались в октябре 1929 г. 23 октября был выписан ордер на арест ученого секретаря Археографической комиссии А. И. Андреева. К началу декабря 1930 г. число подследственных превысило 100 человек, и в ОГПУ 18 декабря было принято решение разделить их на две группы (два отдельных производства).

Первой группе была отведена «руководящая роль в создании и практической деятельности организации». В нее включили 29 человек. 16 из них составляли «основное ядро»: С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, Н. В. Измайлов, М. К. Любавский, А. М. Мерварт, С. В. Рождественский, А. И. Андреев, Д. Н. Егоров,¹

¹ Эти подследственные обвинялись по статьям 58^{3, 5, 6, 11} Уголовного кодекса (УК) РСФСР в редакции 1926 г. Приводим выдержки из соответствующих статей УК РСФСР. 58³: «Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно и содействие каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады». 58⁵: «Склонение ино-

В. Н. Бенешевич, П. П. Аникиев, А. А. Петров, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин, А. И. Яковлев, В. И. Пичета.¹ Кроме того, 13 человек были привлечены как участники якобы созданной А. М. Мервартом, который обвинялся в шпионаже в пользу Германии, разветвленной сети его постоянных и эпизодических информаторов: Г. А. Корвин-Круковская, А. Н. Криштофович, П. И. Полевой, Г. Г. Гульбин, Д. Н. Бенешевич, С. А. Лобанов, А. А. Зеленецкий, Н. М. Окинин, Т. И. Блумберг-Коган, П. П. Бабенчиков, М. О. Клэр,² А. Г. Вульфиус, Л. А. Мерварт.³

Материалы данного производства составили 17 томов. В 1966 г., в связи с пересмотром дела и реабилитацией осужденных, к 17 томам прибавилось еще два — 18 и 19.⁴

странного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным непризванным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т.п.». 58⁶: «Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам <...> Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше». 58¹¹: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой.»

¹ Эти подследственные обвинялись по ст. 58¹¹ УК РСФСР.

² Эти подследственные обвинялись по ст. 58⁶ УК РСФСР.

³ Эти подследственные обвинялись по ст. 58^{3, 5, 6, 11} УК РСФСР.

⁴ Архив Управления Министерства безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области (Архив УМБ РФ по СПб. и области). П.-65245. Т. 1-19.

Во вторую группу следствие включило 86 обвиняемых, а материалы этого производства составили 9 томов, в том числе последний — реабилитационный.¹

Всем 86-ти арестованным было предъявлено обвинение в принадлежности к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». Однако в этой организации им были определены различные роли. В зависимости от этого они условно были подразделены на семь подгрупп.²

Научные сотрудники академических учреждений, Русского музея, Центрархива, других научных и учебных заведений: А. А. Путилов, С. К. Пилкин, М. Д. Беляев, Б. И. Коплан, Н.С.Платонова, С. К. Богоявленский, Б. А. Романов, Б. Н. Молас, В. В. Гельмерсен, П. Г. Васенко, В. Г. Дружинин, С.М. Данини, В. А. Эberman, Г. Н. Соколовский, М. С. Платонова, Ф. Ф. Скрибанович, Э. Э. Шольц, Ф. А. Мартинсон, Ф. И. Покровский, Д. В. Коврайский, П. А. Садиков, Н.И. Сидоров, А.А. Достоевский, Б.М. Энгельгардт, С. П. Розанов, М. А. Шангин, Н. И. Серебрянский, А.А. Бялыницкий-Бируля, В. А. Бутенко, А. И. Заозерский, А. Н. Шебунин, С. И. Тхоржевский, М. Д. Приселков, всего 33 человека, обвинялись «в систематической агитации и пропаганде программно-политических установок „Всенародного союза...“, содержащих призыв к реставрации помещичье-капиталистического строя и установлению монархического образа правления». Кроме того, те из них, кто занимал «ответственные посты в научных и учебных заведениях», обвинялись в использовании своего положе-

¹ Там же. 12658. Т. 1–9. По делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» привлекались еще две группы лиц. Постановлением 7 февраля 1931 г. было прекращено дело в отношении 24 подсудимых — А. А. Шилова, А. А. Введенского, Ю. Г. Оксмана, Б. Д. Грекова, В.И.Срезневского и др. Были аннулированы взятые у них подписки о невыезде из Ленинграда, а также возвращена изъятая у них при обыске личная переписка. (Там же. Т. 7. Л. 221–222). Это постановление было продублировано 10 июля 1931 г. Однако число освобожденных увеличилось до 43-х. (Там же. П–49829. Т. 2. Л. 187–188). Постановлением 12 февраля 1931 г. в отношении 14 подсудимых — Н. С. Штапельберг, Е. А. Рыздзевской, Н. С. Чагва, Н. П. Анциферова и др. было принято решение рассматривать их антисоветскую деятельность как протекавшую независимо от «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» и завести на них самостоятельные следственные производства. (Там же. 12658. Т. 7. Л. 223–224).

² Приводимые ниже сведения о 86-ти арестованных по делу о «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России» взяты из резолютивной части предъявленного им обвинения (Архив УМБ РФ по СПб. и области. 12658. Т. 8. Л. 81–94).

ния для «борьбы и противодействия политике и мероприятиям советского правительства в направлении реорганизации и перестройки деятельности данных учреждений на социалистических началах». В частности, Ф. И. Покровскому, В. Г. Дружинину, П. Г. Васенко, М. Д. Беляеву инкриминировалось «участие в сокрытии от советского правительства, обнаруженных в трех академических учреждениях архивных фондов актуального государственного значения». Наконец, В. А. Бутенко, А. И. Заозерский, А. Н. Шебунин, С. И. Тхоржевский, М. Д. Приселков обвинялись еще и в том, что по поручению руководителей «Всенародного союза...» «создали нелегальные кружки, в которых подготавливали кадры антисоветских научных работников и будущих членов» этой организации (ст. 58¹¹ УК РСФСР).

Во вторую подгруппу входило 16 бывших офицеров, работавших в основном в разных учреждениях АН СССР: В. Ф. Пузинский, А. А. Кованько, Я. П. Куприянов, В. А. Баньковский, А. Ф. Малов, Г. П. Соколов, П. И. Зиссерман, Н. А. Пыпин, С. П. Шестериков, А. А. Арнольди, Ю. А. Вержбицкий, Д. А. Рубцов, Н. Н. Мамадышский, Б. Н. Жданов, А. В. Бородин, Г. С. Габаев. Все они обвинялись в создании военной группы «Всенародного союза...» с целью практической подготовки «вооруженного восстания против совласти в момент интервенции», а также в том, что занимались «систематической пропагандой, содержащей призыв к свержению совласти и установлению монархического образа правления».

Третья подгруппа насчитывала 10 сотрудников Академии наук, связанных с экспедиционной работой: Н.В. Раевский, П.В. Виттенбург, Д. Н. Халтурин, С. И. Руденко, Г.И. Оросин, П.И. Прозоров, В.М. Чистов, В.И. Крыжановский, И.И. Фетисов, С.А. Еремин. Их обвиняли в пропаганде идей контрреволюционной организации, но главное в том, что «по поручению руководящего ядра организации» они «использовали свое служебное положение в учреждениях АН и занимались систематическим вредительством в области экспедиционных исследований». «Вредительство выражалось в бесцельной трате государственных средств на экспедиции, лишённые научного и практического значения; в сокрытии результатов экспедиционных исследований, имеющих актуальное практическое значение для развития народного хозяйства СССР», а также в использовании «отдельных экспедиций» для «организации антисоветского движения на окраинах СССР (Якутия, Башкирия и др.), поддержки местных контрреволюционных элементов» (ст. 58¹¹ УК РСФСР).

В четвертую подгруппу были включены 6 человек, в том числе четыре священника: А. В. Митроцкий, М. В. Митроцкий, Н. В. Чепурин, И. П. Астанин, бывший профессор Петроградской Духовной академии А. И. Бриллиантов и ученый хранитель Азиатского музея АН СССР М. М. Гирс. Все они обвинялись в том, что «по поручению руководящего состава» «Всенародного союза...» «занимались пропагандой» его идей «среди верующего населения и прихожан церквей», пропагандировали идею «унии и этим самым осуществляли установку организации, вытекающую из политического соглашения с Ватиканом», а также «оказывали материальную поддержку из денежных сумм, присланных Ватиканом, нуждающемуся духовенству и духовенству, отбывающему наказание за контрреволюционную деятельность» (ст. 58¹¹ УК РСФСР). М. М. Гирс персонально обвинялся еще и в организации нелегального кружка при церкви «Воскресения-на-Крови».

В эту подгруппу не входила, но была к ней как бы присоединена, жена В. Н. Бенешевича Л. Ф. Бенешевич, обвиненная в антисоветской и религиозной пропаганде и активном содействии своему мужу в его контрреволюционной деятельности (ст. 17 и 58¹¹ УК РСФСР).¹

В пятую подгруппу были включены 13 человек научных сотрудников и преподавателей, в том числе два священника: С. В. Сигрист, М. Э. Либталь, Т. И. Шатилова, О. Е. Корнилович, Л. Е. Краснюк, Л. А. Творогов, Г. А. Пидотти, А. П. Глаголева, А. К. Шейнин, А. А. Алашев, Ф. И. Знаменский, Л. И. Половинкина, С. Л. Киселевская. Они обвинялись как члены нелегальных кружков, организованных А. И. Заозерским, А. Н. Шебуниным, С. И. Тхоржевским, М. Д. Приселковым, А. Г. Вульфиусом, С. В. Рождественским, проводившие на заседаниях кружков «систематическую контрреволюционную пропаганду» (ст. 58¹¹ УК РСФСР).

В шестую подгруппу входили профессор Ленинградского государственного института медицинских знаний Э. Б. Фурман и пастор-проповедник, окончивший богословский факультет Юрьевского

¹ Ст. 17 УК РСФСР: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление — исполнителей, так и их соучастников — подстрекателей и пособников. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления. Пособниками считаются лица, содействующие выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устранением препятствий или же к сокрытию преступника или следов преступления».

университета, А. Ф. Фришфельд. Им было предъявлено обвинение как постоянным с 1927 г. «платным информаторам» агента германской секретной службы А. М. Мерварта, собиравшим сведения о «политическом положении СССР и настроениях немецкого населения в Ленинграде, Поволжье и немецких колониях в Крыму». Они обвинялись также в создании нелегальных кружков и организаций «религиозно и националистически настроенной немецкой интеллигенции», в пропаганде монархических идей среди прихожан церквей, создании в Ленинграде, по поручению А. М. Мерварта, ячейки «Стального шлема» с целью подготовки «боевых кадров из антисоветски настроенной немецкой молодежи» для «активного участия в вооруженном выступлении против соввласти в момент германской военной интервенции». Кроме того, их обвиняли в передаче поступавшей от А. М. Мерварта материальной помощи духовенству, «занимавшемуся религиозным и националистическим воспитанием немецкой молодежи». Э. Б. Фурман был представлен в обвинительном заключении «руководителем отдельной разведывательной сети по освещению положения немцев», самостоятельно проводившим вербовку информаторов (ст. 58^{6,11} УК РСФСР).

К этой подгруппе была присоединена домашняя хозяйка Д. К. Шиле как агент одновременно А. М. Мерварта и Э. Б. Фурмана, занимавшаяся собиранием разведывательных сведений и антисоветской пропагандой среди учащихся немецкой школы (ст. 58^{6,10} УК РСФСР),¹ а также сын Э. Б. Фурмана Б. Э. Фурман. Последний обвинялся в том, что состоял в «контрреволюционной организации немецкой религиозной и националистической молодежи „Югенбунд“», по приглашению своего отца вошел в «состав инициативной группы по созданию ячейки «Стального шлема», «вел контрреволюционную пропаганду среди учащихся Ленинградской Академии художеств и входил там в антисоветскую студенческую группировку» (ст. 58¹¹ УК РСФСР).

В седьмую подгруппу были включены секретер редакции кооперативного издательства «Мир» Ф. И. Витязев-Седенко, редактор «Научного книгоиздательства» С. С. Баранов-Гальперсон и

¹ Ст. 58¹⁰ УК РСФСР: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений <...>, а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания».

секретарь этого издательства Е. Г. Баранова-Гальперсон. Они обвинялись в том, что «совместно с руководителями „Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России“ С. Ф. Платоновым и Н. В. Измайловым и еще некоторыми контрреволюционно настроенными писателями и издателями, с целью нанесения ущерба совласти, составили в 1927 г. явно клеветническое контрреволюционное воззвание „К писателям всего мира“ об отсутствии в СССР свободы печати и слова», которое было «нелегально переслано в Германию и напечатано в ряде белоэмигрантских и других газет» (ст. 58¹⁰ УК РСФСР).¹

«Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» никогда не существовал. В Академии наук не было ни контрреволюционного заговора, ни военных организаций и складов оружия, ни тайного сговора ученых с агентами иностранных разведок, ни конспиративных встреч с ними в Париже, Берлине или Библиотеке Ватикана. Все эти аксессуары сочинений детективного жанра, присутствующие в материалах процесса, — чистый вымысел его сценаристов. Реальна только трагедия незащитных представителей элиты отечественной науки, вовлеченных в этот страшный спектакль и ставших жертвами бесправия и надругательства.

Естественно, что степень достоверности показаний обвиняемых в этом случае настолько незначительна, что современный уровень наших знаний о событиях, связанных с организацией процесса, не позволяет в результате научного комментирования выделить из общего потока ложных, а порою и фантастических сведений даже крупницы правды. Организаторы же процесса хорошо знали о безнаказанности творимого ими и не заботились о том, чтобы хоть как-то отделить фантазию от реальности.

Однако материалы «Академического дела» важны в научном отношении не с точки зрения достоверности фактов, сообщаемых подследственными, а как памятник эпохи, отразивший в себе ее черты и нравы, как обвинительный акт против режима власти.

К началу 30-х годов, когда в коммунистическом движении рухнули надежды на скорую победу мировой революции, политические процессы и террор в СССР стали средством укрепления власти и своеобразного «воспитания» масс. Процессы превратились в общественные явления, в них активно участвовали средства массовой информации. Жертвы процессов еще до их завершения публично

¹ Архив УМБ РФ по СПб. и области. 12658. Т. 8. Л. 87–94.

осуждались не только в печати, но и на разного рода митингах и собраниях. Рядовой их участник вольно или невольно вовлекался в проводившуюся властями политику террора и брал на себя долю ответственности за эту политику. В общественное сознание прочно внедрялась мысль об обострении классово-борьбы. Шла подготовка к новому этапу большого террора. «Академическое дело» возникло как часть кампании репрессий, основанной на фальсифицированных обвинениях и направленной прежде всего против интеллигенции, особенно тех ее представителей, которых можно было обвинить в принадлежности к «бывшим».

18 мая 1928 г. в Москве начался судебный процесс по так называемому «Шахтинскому делу». Органы ОГПУ «раскрыли» контрреволюционную вредительскую организацию, будто бы образовавшуюся в 1922–1923 гг. в Шахтинском районе Донбасса. По обвинению во вредительстве была осуждена группа горных инженеров. «Шахтинскому заговору» был придан международный характер. По версии ОГПУ, осужденные действовали под «непосредственным руководством» Парижского центра и были связаны с представителями французского, бельгийского и польского капитала. 25 ноября — 7 декабря 1930 г. в Москве проходил процесс по делу «Промпартии» — мифической подпольной контрреволюционной организации «буржуазной технической интеллигенции», якобы действовавшей по заданию французской разведки. В июле 1930 г. были арестованы известные экономисты Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и группа специалистов-аграрников. ОГПУ подготовило закрытый процесс по делу вымышленной «Трудовой крестьянской партии». В октябре 1930 г. началась волна массовых арестов среди бывших офицеров, военных моряков, преподавателей Военно-морской академии. В числе арестованных в Москве были бывший генерал-лейтенант А. Е. Снесарев, известный знаток Ближнего Востока, ректор Института востоковедения; бывшие генерал-майоры А. А. Свечин, А. И. Верховский и др.

На фоне этих процессов-близнецов разворачивается и «Академическое дело».

С Академией наук и правительства были давние счеты. Академия наук отнеслась к Октябрьской революции 1917 г. враждебно. Общее экстраординарное собрание Академии 21 ноября (3 декабря) 1917 г.

единогласно приняло резолюцию против «насильников, захвативших власть»,¹ и призвало присоединиться к ней высшие учебные заведения. Академия наук возлагала надежды на Учредительное собрание. Она медленно воспринимала перемены, происходившие в политической жизни страны.

Но уже с 1918 г. руководство Академии устанавливает контакт с новой властью. Убедившись в ее прочности, академическое сообщество постепенно переходит от неприятия к лояльности, а затем, по мере увеличения финансирования науки, — к сотрудничеству.² При этом 20-е годы характеризуются все нарастающим давлением властей на Академию в стремлении подчинить ее себе и поставить на службу «социалистическому строительству», с одной стороны, и ее борьбой за сохранение академических свобод и автономию, против государственного планирования и регламентирования научных исследований, с другой. Конечно, силы были неравными, но все же до 1927 г. в Академии не было партийной организации. В марте 1928 г. она насчитывала всего 7 членов ВКП(б) и 4-х кандидатов в члены ВКП(б). Все они принадлежали к техническому персоналу. В июле 1929 г. на 1158 человек, работавших в Академии наук СССР, было только 16 членов партии.³

После Октябрьской революции 1917 г. в партийном и государственном руководстве страны проявились две тенденции в отношении к Российской Академии наук (с 1925 г. — Академии наук СССР), местом пребывания которой до середины 30-х годов оставался Ленинград.

Одна сводилась к стремлению заменить Академию другими структурами, жестко и непосредственно подчиненными центральным властям и лишенными любых остатков академических свобод. Так, уже в 1918 г. Наркомат народного просвещения Союза коммун Северной области выступил с инициативой ликвидировать Академию наук и подобные учреждения как «совершенно ненужные пережитки ложно-классической эпохи развития классового обще-

¹ Протоколы Общих собраний РАН от 18 и 21 ноября 1917 г. // Память: Исторический сборник. М., 1979; Париж, 1981. Вып. 4. С. 465.

² Подробно см.: *Кольцов А. В.* Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969; *Вознесенский И.* Только востоковеды // Память: Исторический сборник. М., 1978; Париж, 1980. Вып. 3. С. 447–452.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (ЦГАИПД С.-Петербурга). Ф. 2019. Оп. 2. Д. 10. Л. 23–24.

ства».¹ Преобразованием в 1923 г. Социалистической академии в Коммунистическую академию с центром в Москве власти противопоставили Академии наук структуру, главным образом в области обществоведения, которая в перспективе могла ее поглотить. Академии наук противостояло и Общество историков-марксистов, возглавляемое, как и Комакадемия, М. Н. Покровским. При этом, если в Москве на 15 марта 1930 г. было 182 действительных члена и 192 члена-корреспондента этого общества, то в Ленинграде соответственно 19 и 11.² Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) включала все же в свой состав как марксистов, так и представителей старой школы. Но такое положение к концу 20-х годов власти уже не устраивало. Институт истории РАНИОН был переведен в Комакадемию. М. Н. Покровский прямо признал: «Долголетний опыт работы с Институтом истории РАНИОНа показал нам, историкам-коммунистам, что какие бы мы старания ни употребляли, но Институт истории РАНИОНа не сделается органом той науки, которую мы единственно признаем наукой и по пути которой мы можем вести подрастающее поколение историков».³ И далее: «...только через 11 лет после революции мы, наконец, догадались, что у нас нет своего центра для изучения этой науки, и что центр, где занимаются этим изучением, не наш центр, а чужой центр, заполненный историками, сложившимися до 1917 г.»⁴ Решение же «передвинуть Институт истории из РАНИОНа в систему Комакадемии» было принято для того, чтобы «он, во-первых, попал в чисто марксистскую обстановку, в чисто марксистскую атмосферу, а во-вторых, чтобы он при этом отделался от тех своих элементов, которые уже абсолютно никакому использованию в советских условиях не подлежат», а «во главе этого дела стали <...> историки-коммунисты».⁵ Всесоюзная ассоциация работников науки

¹ Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6-8. С. 20.

² Покровский М. Н. Очередные задачи историков-марксистов: (Доклад на общем собрании историков-марксистов 19/III 1930 г.) // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. II. С. 364.

³ Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов: (Речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Комакадемии, 18 ноября 1929 г.) // Там же. С. 351.

⁴ Там же. С. 354.

⁵ Там же. С. 355.

и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО) стала еще одним научным центром, противостоящим Академии.¹ И вообще, соперничество Москвы с Ленинградом играло здесь не последнюю роль. На одну из причин начавшегося сразу после октября 1917 г. преследования Академии указал в 1923 г. ее вице-президент В. А. Стеклов: «Зависть к успехам Академии процветает в низших слоях так называемого ученого мира, особенно московского, <...>. Эта зависть творит клевету и злословие».²

Среди наиболее решительных и последовательных противников Академии одно из первых мест принадлежало М. Н. Покровскому — заместителю наркома просвещения, главе Комакадемии, Общества историков-марксистов и Центрархива. В качестве замнаркома он осуществлял руководство рядом научных учреждений, о его деятельности как главы Комакадемии и Общества историков-марксистов речь уже шла выше, наконец, как руководитель Центрархива он стремился лишить Академию наук права хранения архивных документов (кроме тех, которые касались непосредственно деятельности Академии). В 1926 г. Покровский со свойственной ему категоричностью предлагал: «...должны быть перебраны одно за другим все учреждения, входящие в состав Академии, и относительно каждого должен быть поставлен вопрос: нужно ли оно?» По убеждению Покровского, это прежде всего относится к историко-филологическому отделению Академии: «Нужно или радикально реорганизовать, и в смысле личного состава, и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть. С точки зрения экономии сил и средств последнее, конечно, было бы правильнее».³ Эта альтернатива, предложенная Покровским, обосновывалась им тем, что академические ученые «остались тем, чем были при царях», — всего только беспристрастными искателями истины, а не строителями «социалистической

¹ Подробно об отношениях между ВАРНИТСО и Академией наук см.: *Тугаринов И. А. ВАРНИТСО и Академия наук (1927–1937 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 46–55.*

² *Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. (Научное наследство. Т. 17). С. 293.*

³ *Покровский М. Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 592.*

культуры и социалистического общества».¹ Особенно яростным нападкам Покровский подверг Музей антропологии и этнографии, Пушкинский Дом, Словарную комиссию Академии и Постоянную историко-археографическую комиссию Академии наук. Сотрудники прежде всего именно этих учреждений оказались в 1929-1931 гг. подследственными по «Академическому делу». Когда они уже сидели в тюрьме, Покровский в журнале «Историк-марксист» за 1931 г. проговорился, что целью властей и его лично было завоевание этих учреждений историками-коммунистами: если удалось изъять из рук буржуазных специалистов руководство Институтом истории РАН-НИОН, то «до более высокой цитадели старой историографии, второго отделения [гуманитарного] Всесоюзной академии наук нам не удалось тогда добраться».²

Другая тенденция властей в отношении Академии наук сводилась к более осторожным на первом этапе шагам. При этом ставилась задача постепенно полностью подчинить Академию Политбюро ЦК ВКП(б) и правительству. По-видимому, намечались два комплекса мер: один — огосударствление Академии, другой — ее большевизация, то есть введение в ее состав большой группы академиков-большевиков и овладение с опорой на них командными высотами внутри Академии.

Судя по всему, решено было следовать по второму пути — сохранив Академию, полностью завоевать ее, чтобы использовать для осуществления своих задач по построению социалистического общества. Народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский писал в этой связи: «Наши реформы изменяют устав, затем мы меняем ее [Академии] состав, т.е. прибавляем туда большое количество новых академиков. Мы хотим открыть отделение общественных наук и посадить туда настоящих ученых марксистов и, если

¹ Там же. С. 586.

² Покровский М. Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. II. С. 388–389.

можно в другие отделения, то и туда. Мы хотим ввести больше свежих ученых, которые могут по-новому подойти к Академии».¹

С целью реализации этого плана уже 19 декабря 1925 г. создается специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) для связи и наблюдения за работой Академии наук.² И в ней одна из ведущих ролей принадлежала Покровскому.

31 мая 1927 г. Совнарком СССР утвердил новый, первый советский, устав АН СССР. Обращает на себя внимание, что он был принят не самим этим научным сообществом, да и готовился устав комиссией Совнаркома. Новый устав не только подчинял Академию правительству, но и ограничивал ее самостоятельность, вводил обязательное утверждение Совнаркомом академических планов работы, придавал самодовлеющее значение Президиуму АН СССР, предписывал заниматься прикладными исследованиями в ущерб фундаментальным. Вместе с тем директивно увеличивалось число академических вакансий и вводилась беспрецедентная процедура выборов в АН СССР: наряду с академиками, в отборе кандидатов в новые члены участвовали «представители ученых учреждений союзных республик».³ Это облегчало внедрение в Академию наук угодных властям ученых, прежде всего состоящих в партии большевиков. Вслед за тем в печати была спровоцирована кампания против Академии наук вообще и ее управленческого аппарата — в частности.⁴ Управленческий аппарат обвинялся в засорении представителями дореволюционных привилегированных сословий, аристократических фамилий, сановных царских бюрократов. Она стала первым шагом в подготовке властей к новым, намеченным на начало 1929 г., выборам в Академию и введению в нее крупных партийных и государственных функционеров и научных работни-

¹ Цит. по: Ульяновская В. Л. Формирование научной интеллигенции в СССР: 1917–1937 гг. М., 1966. С. 150.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 730. Л. 5.

³ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 120, 122, 125.

⁴ Ленинградская правда. 17 июня, 4, 12, 13, 17 октября 1928 г.

ков-большевиков. Этой задаче были подчинены все дальнейшие шаги как государственных, так и партийных органов.

Политбюро ЦК ВКП(б) в начале 1928 г. учреждает «Комиссию по проведению выборов».¹ Вопрос «Об Академии наук» рассматривался 17 апреля 1928 г. и на заседании Секретариата Ленинградского обкома партии. Решения, принятые на этом заседании, касались подготовки к выборам новых академиков, выдвижения кандидатов на посты секретаря парторганизации Академии и Управляющего делами АН СССР.²

17 мая 1928 г. Секретариатом Ленинградского обкома ВКП(б) утверждается секретная «Директива о проведении кампании по выборам кандидатов в члены Академии наук СССР» и создается комиссия в составе трех человек во главе с Б. П. Позерном. Его же Секретариат обкома рекомендовал ввести в состав комиссии Политбюро. Директива Ленинградского обкома о проведении кампании по выборам кандидатов в члены АН СССР предусматривала активизацию и ускорение подготовки выборов. «Центральная тройка» во главе с Позерном должна была «усилить руководство местами» через «фракции ВКП(б) правлений всех ленинградских учреждений, имеющих право выставлять кандидатов», а «места своевременно информировать центральную тройку о ходе работ». Редакция ленинградских газет было предложено «все корреспонденции, заметки и материалы о ходе выборов членов Академии наук помещать в печать только с санкции Областной комиссии и не обращаться самостоятельно с запросами о выборах в вузы». Комиссия должна была «снабдить места научными и общественными характеристиками кандидатов (как желательных, так и нежелательных)». Выдвижение кандидатов в вузах рекомендовалось проводить через советы вузов. Партийным организациям учреждений, выставляющих кандидатов, предписывалось принять все меры к привлечению,

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 730. Л. 5; *Кольцов А. В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932. Л., 1982. С. 63.

² *Кольцов А. В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. С. 63–64.

в порядке партийной дисциплины, к активной работе по этой кампании «партийных работников учреждений и в особенности партийных членов их руководящих органов (советы, правления и т.п.)».¹

Давление властей на Академию наук все время нарастало. Так, в марте 1928 г. управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР Н. П. Горбунов в конфиденциальной беседе с неперменным секретарем АН СССР С. Ф. Ольденбургом прямо заявил, что «Москва желает видеть избранными Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина и других коммунистов».²

Характеризуя обстановку, сложившуюся перед выборами, академик И. П. Павлов писал: «Впервые в истории нашей Академии, сколько я знаю, Правительство перед выборами заявляет о желательности для него определенных кандидатов. На исполнении этого желания часто грозно настаивают все органы Правительства (печать, теперешние представительства высших учебных заведений и общественных учреждений). Мне представляется, что это подрывает достоинство Академии и тяжело ляжет на академиков».³

Следует отметить, что и внутри академического сообщества не было единства в оценке сложившейся ситуации. Некоторые академики, подобно И. П. Павлову, стояли на той позиции, что необходимо противостоять вмешательству властей. Другие считали, что возможен компромисс с ними. Эту группу академиков возглавлял многолетний неперменный секретарь АН СССР С. Ф. Ольденбург, а также вице-президент А. Е. Ферсман. Примыкал к ней и академик С. Ф. Платонов.⁴

¹ ЦГАИПД С.-Петербурга. Ф. 24. Оп. 1. Д. 57. Л. 63; Д. 59. Л. 50–51, 59. Ср.: Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. С. 66.

² Цит. по: Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 175.

³ Там же. С. 181.

⁴ Однако Покровский, проявлявший в отношении С. Ф. Платонова явную недоброжелательность, писал в конце июня 1928 г. полпреду СССР в Германии Н. Н. Крестинскому, что ученый не желает «выступать рядом с большевиками» на Неделе русской науки в Берлине, так как является «главой антисоветской группы, и, по-видимому, очень дорожит своей репутацией в этом отношении» (РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 39. Л. 57).